

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Я Вам давно хотела написать о Ник.Ив. Его здоровье меня настолько беспокоило, что я уже несколько раз собиралась Вам сообщить, но все не решалась, ждала со дня на день, что все разрешится к хорошему. Не потому, что не раскроют, а именно потому, что все раскроется, раскроется гнусная отвратительная клевета мерзавцев, самых подлых из подлецов

Вчерашние Радековские показания меня буквально ошеломили, поэтому я и решилась, все таки, Вам написать.

Я почти всегда бывала у Радека вместе с Н.И. и хочу рассказать Вам, как этот негодяй себя вел.

Иосиф Виссарионович, Вы меня не знаете, видели когда то совсем девочкой, наверно и не помните, может мои слова будут иметь мало значения.

Но верьте, я Вам пишу от чистого, молодого комсомольского сердца, одну лишь правду, что я сама слышала и видела.

В разговорах Радека не было и намека даже на какую нибудь оппозиционность. Он все время (как теперь выяснилось) разыгрывал человека преданного партии, очень любящего нашу страну, часто вспоминал Ваше имя в связи с победами в нашей стране. Особенно часто говорил о внешней политике, а в связи с этим о Ваших больших заслугах. Помню дословно, как Радек в прошлом году говорил: "если еще года два войны не будет, то нам тогда ничего не страшно" (а на самом деле хотел поражения в войне). Вел себя так, что никто ничего не мог бы подумать.

Я откровенно скажу, что он вел себя так, что если бы я не видела его показаний, то мне бы и не верилось, что Радек оказался в лагере врагов, я бы думала, что и его так же оболгали мерзавцы, как они это сделали с Ник.Ив.

После приезда Н.И. из отпуска (этим летом), после об"явления Прокуратуры о начале следствия, я также присутствовала при единственных двух встречах Радека с Ник.Ив.

Радек, первый раз пришел к нам сам, просидел час, полтора. Я все время присутствовала при разговоре и хочу Вам его передать как помню. Радек пришел со словами: ну что ты лежишь, Николай, я совсем веду себя не так, всюду хожу, вот только что от Селиха (замест. Н.И. по редакции) пришел, хожу на ячейку, ты очень плохо делаешь, что на ячейку не ходишь. На это Н.И. ответил, что нет сил на ячейку ходить, да и к Селиху он ходить не может, так как вовсе не уверен, хочет ли он его видеть после происшедшего. Радек говорил о том, что положение серьезное, что будет плохо, если будет найден какой-нибудь средний выход, не будет прямо сказано, что его и Н.Ив. оклеветали. Радек также говорил, что единственный, кто сможет освободиться от всех обвинений, это Ник.Ив. Он расценивал свое положение более тяжелым потому, что он бывший троцкист. Он также говорил: "Сталин разберется во всем, на него надежда!".

Говорил о том, что он еще раньше Вам писал о каких то подозрительных лицах (он называл какие-то фамилии, или одну фамилию, не помню), а что в последних письмах Вам об этом напоминает.

Он напомнил Ник.Ив. о случае с Блюмкиным, когда он (Радек) его выдал.

Он говорил о Сокольникове, как о подлеце с которым он уже несколько лет не разговаривает. Он сообщил, что был у тов. Ежова, который его очень подбадривал, просил беречь здоровье. Он сообщил, что ему в ЦК даже поручили писать статью, но из-за изменившейся внешнеполитической кон'юктуры ее не напечатали.

Он сообщил, что на партсобрании в "Известиях" его защищал Селих и даже сказал, что если бы Радек оказался врагом, то и его (Селиха) надо бы было расстрелять из-за того, что он не раскусил врага.

Дней через 10 мы (я и Ник.Ив.) встретились с Селихом, тут выяснилось, что Радек просто наврал, что Селих выступал на ячейке против Радека, что он ему перестал верить после первого парт. собрания.

Для чего же все это Радек делал? Неужели бы он называл Сокольникова подлецом своему сообщнику, зачем тогда Радеку понадобилось вранье о выступлении Селиха, если не для желанья замаскироваться перед Ник.Ив., а ведь это можно проверить, можно проверить выступление Селиха на партячейке, да и он человек исключительно честный, и я думаю, сразу скажет, что Ник.Ив. и я ему говорили о том, что Радек сообщал о его выступлении на парт. собрании.

Это вранье сразу навело на подозрение, но к сожалению оно обнаружилось после того как Н.И. послал Вам письмо о Радеке.

В этом заключался первый разговор, я ручаюсь за его точность, может что нибудь и упустила, забыла, но то что написала, очень точно.

О втором разговоре. Вторая встреча произошла после об"явления Прокуратуры о прекращении следствия. Радек очень просил Н.Ив.зайти, сообщил, что болен и, что, если он хочет пусть зайдет хоть на минутку. После вторичной просьбы (в обиженном тоне) мы пошли вместе к Радеку. Были всего около 1/2 часа. Радек был в очень удрученном настроении. Ник.Ив., думая, что и Радека так же оболгали мерзавцы, его утешал, говорил, что его следствие идет по другой линии, что все выяснится и с ним. Радек действительно обратил внимание Ник.Ив. на "юридические данные". На что Ник.Ив. ему ответил, что он сам не знает, что это такое, может быть за этим кроются какие нибудь подозрения, а может быть это специфический прокурорский язык.

Разговор прервался входом в комнату знакомой Радека Барской, после чего Радек попросил нас - меня, жену Радека и Барскую выйти, осталось впечатление, что он при Барской разговора продолжать не хотел.

Когда мы вышли, я почти сразу, минут через пять (а за эти минуты жена Радека Роза ругала Зиновьева, Каменева и др. как подлецов и клеветников) вошла опять в комнату и потащила Ник.Ив.домой. По дороге он мне рассказал, что ему Радек сказал в несколько минут, об этом он писал Вам.

Таким образом Радек врет, когда говорит, что он был с Ник. наедине, он был с ним наедине такое короткое время, что просто нельзя успеть за это время наговорить все о чем врет Радек. Разговор происходил при мне и Розе Радек.

Радек врет также, когда говорит, что Н.И. не был обеспокоен потому, что его "выдал" только Каменев, он этого не говорил я сама это слышала, тем более, что это не верно по существу. Н.И. и меня предупреждал, чтобы я не проговорила об очной ставке с Сокольниковым.

Откровенно скажу, для меня есть в этой клевете что-то непонятное, люди врут не зная меры, что их и выдает. Разве не кажется странным, когда Ефим Цетлин говорит о терроре в 1926-27 г.

Неужели тов. Сталин Вам не кажется это одно нелепым? Вы же в то время были очень близки с Ник.Ив. Но ведь всякие отдельные провалы на которых можно ловить опрокидывают все, а их много.

Иосиф Виссарионович, я очень прошу меня вызвать на очную ставку с Радеком. Может этот мерзавец хоть меня постесняется, хотя они все уже потеряли всякую совесть.

Ник.Ив. в состоянии ужасном, он не спит, ни ест, уже 2 дня совсем ничего не ел. Ждет звонка из Вашего Секретариата. Если бы Вы его вызвали было бы хоть маленькое облегчение, он этого ждет с нетерпением. Я очень боюсь за его голову, по существу его и теперь уж надо отправить в больницу, надо лечить, но разве при таком положении это можно сделать?

Я сама еле хожу, не отхожу от Ник.Ив. ни на минутку, стараюсь всячески облегчить муки, замучилась окончательно, только развлекает маленький сынок.

Ну, до свиданья, Иосиф Виссарионович, Вы, все таки, посмотрите внимательно как я описываю последние встречи Радека с Ник.Ив., может Вам многое станет понятным.

А.ЛАРИНА.

Р.С. Роза Радек также при мне приходила и передала последние, Вам известные, слова Радека перед арестом: "Николай, ничему не верь, я чист перед партией как слеза".